

СЕМЕЙНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

*М. А. ОДИНЦОВА, кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация*

Информация о финансировании. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 («Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)»).

Введение. Семья как малая социальная группа, развивающаяся в течение длительного времени и имеющая свою историю, на протяжении жизнедеятельности сталкивается с разнообразными вызовами. От того, как семейная система справляется с ними, зависит ее жизнеспособность, которая, в свою очередь, опосредована внутрисемейным взаимодействием, связями и специфическими для каждой семьи семейными эмоциональными коммуникациями. Здоровые семейные эмоциональные коммуникации становятся хорошим психологическим ресурсом для совладания с вызовами.

Среди вызовов выделяют самые разнообразные трудные жизненные ситуации (ТЖС): болезни, проблемы отношений, утрата, материальные трудности, внутриличностные проблемы, глобальные и множественные трудности, проблемы в профессиональной сфере [6].

В исследованиях подмечено, что дисфункциональные эмоциональные коммуникации, например, в семьях лиц с психическими расстройствами характеризуются запретами на проявление эмоций, родительской критикой, стремлением контролировать жизнь другого, перфекционизмом, тревогой, фиксацией на негативных эмоциях [4]; у матерей наркозависимых – стилем скрытой семейной тревоги; сверхвключенностью, критикой, сосредоточенностью на негативных переживаниях [3]. Также обнаружено, что высокий уровень дисфункциональности эмоциональных коммуникаций в семьях препятствует развитию интернальности подростков [1]. В разных культурах семейные эмоциональные коммуникации также выстраиваются по-разному. Например, в исследовании [2] обнаружены различия в семейных эмоциональных коммуникациях у тувинцев и русских в родительской критике, которая в большей степени свойственна российским семьям, во внешнем благополучии и семейном перфекционизме, характерным тувинским семьям. Специфика семейных эмоциональных коммуникаций россиян и белорусов в условиях разных вызовов современности в эмпирических исследованиях не представлена.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 414 человек, из них 204 россияне (ср. возраст $25,5 \pm 10,5$) и 210 белорусов (ср. возраст $26,2 \pm 9,2$) (30,5% мужчин в выборке россиян и 28,1% – в выборке белорусов).

Процедура исследования. Исследование одобрено Этическим комитетом МГППУ (Протокол заседания Этического комитета № 12, от 15.03.2022) и было анонимным, добровольным, проводилось с помощью яндекс-форм, требовало до 15 минут.

Методики исследования. 1) социо-биографическая анкета (страна проживания, пол, возраст, супружеский статус, наличие детей); 2) опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) [5]; 3) Шкала жизнеспособности семьи [6].

Результаты и обсуждение. Результаты показали, что группы россиян и белорусов не различаются по возрасту ($t=-0,681$; $p=0,497$); полу ($\chi^2=0,298$; $p=0,331$); супружескому статусу ($\chi^2=6,706$; $p=0,243$); наличию в семьях детей ($\chi^2=2,208$; $p=0,150$). Половина белорусов и россиян свободны, почти треть в браке, четверть состоят в отношениях, остальные – либо в незарегистрированном браке, либо в разводе. Около половины имеют детей.

В обозначении трудных семейных ситуаций различий между белорусами и россиянами так же не обнаружено ($\chi^2=13,527$; $p=0,095$). Доминируют ситуации, связанные с утратой (27,6%), с проблемными отношениями (25,8%), затем ситуации болезни (12,8%), множественные проблемы (10,9%), материальные трудности (7,3%). Не столь значимыми оказались глобальные трудности (1,2%), проблемы в профессиональной сфере (1,2%), внутриличностные проблемы (0,7%). 12,4% россиян и белорусов не указали трудную семейную ситуацию. По степени интенсивности преобладают ситуации болезни и утраты (ср. оценка данных ситуаций 8,5 баллов из 10 возможных); глобальные и множественные проблемы (по 7,8 баллов); проблемы в отношениях (7,6 баллов); материальные трудности, проблемы в профессиональной сфере (по 7,0 баллов); внутриличностные проблемы (6,7 баллов).

Различий в динамике семейных связей после прохождения семьи через ТЖС между двумя выборками не обнаружено ($\chi^2=0,220$; $p=0,896$). Примерно по треть россиян и белорусов отметили, что связь в их семьях стала более дистантной (31,4%/29,5%), осталась прежней (34,3%/36,2%), стала более близкой (34,3%/34,3%). Однако, при анализе динамики семейных связей относительно того или иного события-вызова, различия оказались значимыми ($\chi^2=120,98$; $p=0,000$). Связь становится более дистантной при ситуациях, связанных с проблемами в отношениях (люди отдаляются друг от друга), остается прежней или становится более близкой – при утрате; остается прежней – при материальных трудностях. В случае множественности проблем (указание на множество самых разных типов трудностей) – связь становится либо дистантной, либо более близкой и редко остается прежней, что зависит от сочетания разных ТЖС, происходящих одновременно.

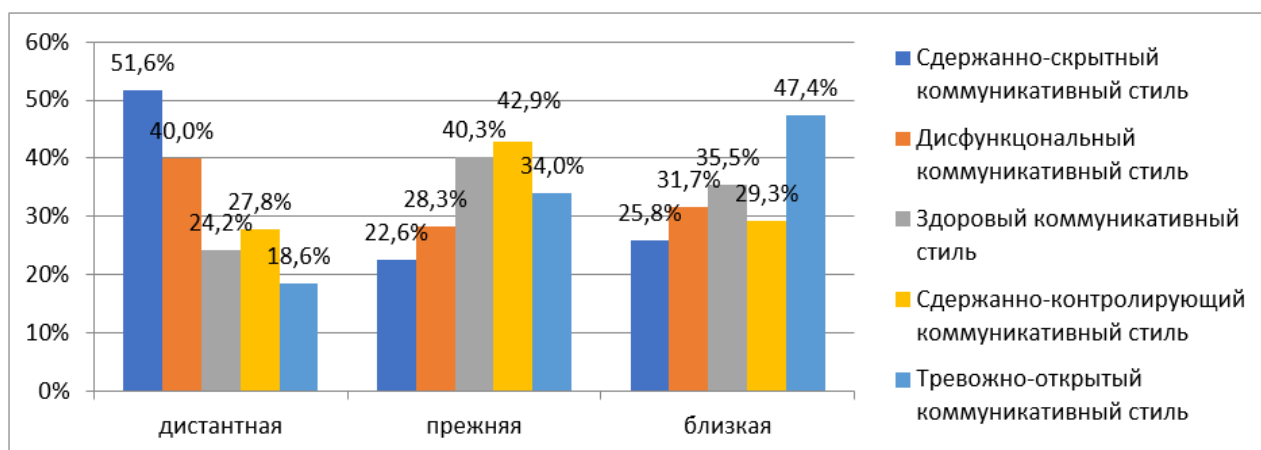
Для определения стилей семейных эмоциональных коммуникаций в родительских семьях был проведен кластерный анализ методом k-средних, в котором учитывались предварительно нормированные шкалы методики СЭК. Было выделено пять стилей семейных эмоциональных коммуникаций:

- 1) «сдержанно-скрытный» коммуникативный стиль ($N=62$), в котором доминирует элиминирование эмоций и стремление к внешнему благополучию;
- 2) «дисфункциональный» коммуникативный стиль ($N=60$), в котором явно выражены все характеристики дисфункционального общения;
- 3) «здоровый» коммуникативный стиль, где прослеживается сниженный уровень эмоциональных дисфункций в семье ($N=62$);
- 4) «сдержанно-контролирующий» коммуникативный стиль ($N=133$), в котором доминируют элиминирование эмоций и сверхвключенность на фоне среднего уровня остальных характеристик семейных дисфункций;
- 5) «тревожно-открытый» ($N=97$) с доминированием индуцирования тревоги и отсутствию запрета на выражение разных эмоций.

Кластеры не различались по: стране проживания ($\chi^2=4,118$; $p=0,390$); супружескому статусу ($\chi^2=21,68$; $p=0,358$); наличию в семьях детей ($\chi^2=4,672$; $p=0,323$); типу трудной ситуации

($\chi^2=31,58$; $p=0,488$), но различалось в распределении мужчин и женщин ($\chi^2=12,97$; $p=0,011$). Более 40% мужчин попало в группу со сдержанно-контролирующим коммуникативным стилем, в то время как среди женщин таких около 30%. Примерно 20% женщин пополнили группу со сдержанно-скрытым коммуникативным стилем, среди мужчин таких около 7%. По остальным эмоционально-коммуникативным стилям мужчины и женщины распределились примерно одинаково.

Также обнаружены различия в динамике связей в семьях с разными стилями родительских семейных эмоциональных коммуникаций (рис. 1).

Рисунок 1. – Изменения связей в семьях при разных стилях родительских эмоциональных семейных коммуникаций

При родительских сдержанно-скрытом и дисфункциональном коммуникативных стилях чаще всего связь в семьях респондентов после прохождения через трудную ситуацию, становится более дистантной; при здоровом и сдержанно-контролирующем – остается прежней; при тревожно-открытом – становится более близкой.

Далее были проанализированы различия в характеристиках жизнеспособности семьи в зависимости от эмоциональных коммуникативных стилей родительских семей респондентов (табл. 1).

Таблица 1. – Жизнеспособность семьи в группах с разными стилями семейных эмоциональных коммуникаций в родительских семьях респондентов

Характеристики	Семейные эмоциональные коммуникативные стили в родительских семьях	Среднее	Ст. откл.	F	p
1	2	3	4	5	6
Жизнеспособность семьи	Сдержанно-скрытый	133,9	32,5	18,124	0,000
	Дисфункциональный	144,5	37,0		
	Здоровый	161,7	29,5		
	Сдержанно-контролирующий	146,1	26,0		
	Тревожно-открытый	168,4	23,0		

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Семейная коммуникация и связность	Сдержанно-скрытный	48,6	15,0	18,36	0,000
	Дисфункциональный	52,3	15,9		
	Здоровый	60,2	12,5		
	Сдержанно-контролирующий	54,6	11,4		
	Тревожно-открытый	63,9	9,8		
Принятие гибкость	Сдержанно-скрытный	17,4	4,2	10,78	0,000
	Дисфункциональный	18,3	4,3		
	Здоровый	19,8	3,9		
	Сдержанно-контролирующий	18,0	3,7		
	Тревожно-открытый	20,6	2,9		
Социальные ресурсы семьи	Сдержанно-скрытный	19,9	4,3	10,024	0,000
	Дисфункциональный	21,9	5,1		
	Здоровый	23,7	4,8		
	Сдержанно-контролирующий	20,9	3,7		
	Тревожно-открытый	23,5	4,9		
Духовность	Сдержанно-скрытный	20,2	6,5	14,25	0,000
	Дисфункциональный	22,8	7,0		
	Здоровый	25,2	5,9		
	Сдержанно-контролирующий	23,2	5,0		
	Тревожно-открытый	26,7	5,0		
Позитивный прогноз и решение проблем	Сдержанно-скрытный	27,9	6,3	14,06	0,000
	Дисфункциональный	29,2	7,6		
	Здоровый	32,8	5,8		
	Сдержанно-контролирующий	29,3	5,5		
	Тревожно-открытый	33,6	5,1		

Более низкий уровень жизнеспособности семьи и всех ее характеристик наблюдается при сдержанно-скрытном, дисфункциональном и сдержанно-контролирующем коммуникативно-эмоциональных стилях в родительских семьях. Наиболее жизнеспособными являются семьи респондентов при здоровом и тревожно-открытом стилях родительских эмоциональных коммуникаций.

Заключение. Исследование показало, что россияне и белорусы являются носителями схожих эмоциональных семейных коммуникаций, что свидетельствует о родственности семейной культуры и семейных традиций двух стран. В семейных историях россиян и белорусов среди вызовов семейной системе доминируют события, связанные с утратой близких, проблемными отношениями в семьях. Наиболее травмирующими для них становятся ситуации утраты и болезни, множественные и глобальные проблемы, а также проблемы, связанные с отношениями (конфликты, ссоры, расставания). При этом, семейные связи чаще разрушаются при проблемах в отношениях, становятся крепче – при утрате, остаются прежними – при материальных сложностях. Можно выделить пять стилей семейных эмоциональных коммуникаций в родительских семьях россиян и белорусов: 1) «сдержанно-скрытный»; 2) «дисфункциональный»; 3) «здоровый»; 4) «сдержанно-контролирующий»; 5) «тревожно-открытый». Родительским

семьям, воспитывающим мужчин, в большей степени характерен сдержанно-коммуникативный эмоциональный стиль. Обнаружено, что от эмоционально-коммуникативных стилей родительских семей зависит динамика семейных связей при прохождении россиян и белорусов через ТЖС. Более дистантными становятся связи, если в родительских семьях респондентов преобладали сдержанно-скрытый и дисфункциональный стили; связи оставались прежними – при здоровом и сдержанно-контролирующем стилях; связи в семьях становятся более близкими – при фиксации родителей на возможных трудностях и неудачах при отсутствии запрета на выражение негативных эмоций в семье («тревожно-открытый стиль»). Наиболее жизнеспособными являются респонденты со здоровыми родительскими эмоционально-коммуникативными стилями. Наряду с этим, неожиданным является то, что такими же жизнеспособными являются и респонденты из родительских семей с тревожно-открытым эмоционально-коммуникативным стилем. Вероятно, что фиксация родителей на возможных опасностях и жизненных неудачах ребенка, с одновременной эмоциональной переработкой такого опыта, открытым его обсуждением в семьях, а не сокрытием, в некоторой степени, является компенсаторным и не препятствует развитию жизнеспособности семьи.

Список использованных источников

1. Алексеенко, Т. В. Условия воспитания ответственности: исследование структурных и коммуникативных параметров родительской семейной системы // Проблемы современного образования. – 2018. – № 3. – С. 133–140.
2. Алексеенко, Т. В. Сравнительное исследование интернальности личности взрослых тувинцев и русских (в контексте семейной эмоциональной коммуникации) / Т. В. Алексеенко, Ч. О. Даваа // Проблемы современного образования. – 2020. – № 1. – С. 212–222.
3. Береза, Ж. В. Психологические особенности и семейные эмоциональные коммуникации матерей наркозависимых / Ж. В. Береза, Е. Р. Исаева, С. В. Горбатов, Д. С. Антипина // Ученые записки СПбМУ им. акад. И. П. Павлова. – 2016. – Т. 23. – № 2. – С. 35–38.
4. Белоколодов, В. В. Семейные эмоциональные коммуникации у больных с психическими расстройствами / В. В. Белоколодов, Е. Л. Николаев // Вестник Чувашского университета. – 2013. – С. 192–196.
5. Холмогорова, А. Б. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» / А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 4. С. 97–125. DOI:10.17759/cpp.2016240405.
6. Odintsova, M. A. Special Characteristics of the Resilience of Russian Families in the Face of Modern Challenges (A Preliminary Study) / M. A. Odintsova, D. V. Lubovsky, P. A. Ivanova, E. S. Gusarova // Psychology in Russia: State of the Art. – 2022. – Т. 15. № 3.